

Александр АНДРЕЕВ

РУССКИЙ НАРОД И ЕГО ИДЕЯ

терминология, исследование, анализ

**Александр Радьевич Андреев
Максим Александрович Андреев
Русский народ и его идея:
терминология, исследование, анализ
Серия «Имперские славянские хроники»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=654635

Аннотация

В период подготовки настоящего издания, не имеющего аналогов, составителями были проанализированы труды более 300 видных русских историков, философов, писателей, общественных и политических деятелей. Книга «Русский народ и его идея: терминология, исследование, анализ» содержит исследования и высказывания о русском народе ведущих историков, философов, мыслителей, общественных деятелей, писателей России XI-XX веков – Нестора, М.В.Ломоносова, М.М.Щербатова, А.Н.Радищева, А.Л.Погодина, А.А.Спицына, Д.С.Иловайского, Н.В.Гоголя, И.С.Аксакова, А.С.Хомякова, И.В.Киреевского, В.Г.Белинского, Н.Г.Чернышевского, Ф.М.Достоевского, И.С.Тургенева, В.О.Ключевского, С.Н.Булгакова, Н.Я.Данилевского, Н.С.Лескова, П.А.Флоренского, Е.Н.Трубецкого, Л.Нидерле, Н.О.Лосского, Н.А.Бердяева, П.Н.Флоренского, Г.П.Федотова, И.А.Ильина, Г.В.Вернадского, Б.Д.Грекова, А.Д.Удальцова, П.Н.Третьякова, Н.О.Лосского, Л.В.Черепнина, В.В.Мавродина, А.Н.Насонова, М.К.Любавского, Л.П.Якубинского, Б.А.Рыбакова, А.И.Солженицына, многих других исследователей и философов.

Возникновение русской народности, исторический путь, который она прошла, характер и особенности русского народа как нации – обо всем этом подробно рассказано в настоящем издании.

Библиография данного энциклопедического исследования содержит все основные работы о русском народе, опубликованные на русском языке.

Содержание

Часть первая	4
М.ТИХОМИРОВ	6
ТЕРМИНОЛОГИЯ	20
НЕСТОР [1]	20
М.В.ЛОМОНОСОВ	20
А.Н.РАДИЩЕВ	21
Г.Ф.КОВАЛЕВ	21
Б.Д.ГРЕКОВ	21
Л.В.ПАДАЛКА	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Андреев

Русский народ и его идея: терминология, исследование, анализ

Часть первая

РОС, название восточнославянских племен в трудах византийских и арабских авторов.

Словосочетание "РУС" или "РОС" как имя восточнославянского народа, выделившегося примерно с начала V века из общеславянского единства и занимавшего территорию между тремя морями – Черным, Белым и Балтийским, появляется в середине V столетия – в византийских источниках как "Рос", в арабских – как "Рус". Это словосочетание обозначает, очевидно, всю древнерусскую народность и, возможно, связано с названием реки "Рось" – притока Днепра. Первый племенной союз славян, известный, как Куявия с центром в районе Киева, был известен уже в VI веке. Приблизительно с VIII века в землях славянского племени полян уже правили собственные князья.

РУСЬ, первоначально название государственного образования восточных славян IX века на среднем Днепре. До начала XII века название территории Киевской Руси. В XII-XIII веке Русь – название древнерусских земель и княжеств. Термин "Русь" закрепляется за землями северо-восточных территорий Древнерусского государства и становится основой понятия "Русские".

РОССИЯ, страна и государство, населенные в основной русскими. Название возникло в конце XV века и до начала XVIII века употреблялось наряду с названием Русь, Русская земля.

РУССКИЕ, нация, произошли от древнерусской народности, сформировавшейся из восточно-славянских племен. По мнению многих исследователей, наименование "русские" восходит к названию одного из славянских племен – россов, или руссов. Русские сложились в народность в XIV-XV веках, в нацию – ко второй половине XIX века.

РУССКИЕ, восточнославянский народ, составляющий основное население России. Россиянин, то же, что и русский.

РУССКИЕ (самоназвание). Образование и развитие русского народа находились в прямой связи с вековым расширением его историко-этнической территории. Русский народ складывался в XIII-XIV веках.

Ощутимые различия в культуре и быту наблюдались между двумя исторически сложившимися большими этнографическими зонами русского народа: севернорусской и южнорусской, т.е. между т.н. северными и южными великоруссами. Северные великоруссы занимали обширную территорию примерно от бассейна Волхова на западе до Мезени и верховьев Вятки и Камы на востоке; южные великоруссы – жители южной черноземной полосы России от бассейна Десны на западе до правого притока Волги Суры на востоке, от Оки на севере до Хопра и среднего течения Дона на юге. Однако и северные и южные великоруссы обладают единым русским самосознанием. Широкая полоса между северными и южными великоруссами, главным образом в междуречье Оки и Волги, считается переходной среднерусской зоной. Именно здесь в XIV веке начала складываться русская государственность и происходило в дальнейшем формирование русской народности.

"Этническое значение победы на Куликовом поле в 1380 году оказалось колоссальным. Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как пред-

ставители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах".

"Встарь писали ПРАВДА РУССКАЯ; только Польша прозвала нас РОССИЕЙ, россиянами, российскими, по правописанию латинскому, а мы переняли его, перенесли в кириллицу свою и пишем "русский".

Антропологические типы больших этнических групп могут быть установлены лишь путем систематического исследования, равномерно охватывающего различные участки этнической территории, ее мужское и женское взрослое население, с учетом разнообразных признаков и сроком работы, не превышающим одного-двух трехлетий.

Такое исследование русского населения впервые было выполнено в 1951-1955 годах сотрудниками Института этнографии АН СССР (по антропологическому отделу) и Института антропологии Московского государственного университета.

В русском населении выделены двенадцать областных антропологических типов. Из них наиболее характерны четыре: ильменско-белозерский, волго-вятский, дон-сурский, верхнеокский.

Областные различия возникли вследствие того, что в состав русского населения вошли дославянские группы, принадлежащие к разным расовым типам. Таких типов три: балтийский, уральский, понтийский.

Ни одна русская группа не воспроизводит полностью комплекс особенностей, свойственных центральному варианту балтийского, уральского или неопонтийского расовых типов. Этот факт и многие другие привели к выводу, что в основе русских антропологических вариантов и некоторых дославянских лежит один общий антропологический слой, очень древний, восходящий к раннеолитическому или мезолитическому времени. Исходный общий тип, названный древним восточноевропейским, отчетливо выступает в суммарной характеристике современных групп русского населения. В расово-таксономическом отношении восточноевропейский тип, не выделенный в прежних работах, входит в круг разновидностей европейской группы как особая раса.

В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка.

С.И.Ожегов. Словарь русского языка.

Л.Н.Гумилев. От Руси к России.

Советский энциклопедический словарь.

Народы России. Энциклопедия.

Происхождение и этническая история русского народа.

М.ТИХОМИРОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ "РУСЬ" И "РУССКАЯ ЗЕМЛЯ"

О названии Русь писали много, и каждый, кто пытается заново поставить это вопрос, как будто не в состоянии выйти из круга уже возникших теорий. И тем не менее вопрос о происхождении названия «Русь» не может быть снят с обсуждения, ибо он тесно связан с вопросом о происхождении русского государства и русского народа. Недаром же летописное сказание о начале Руси 200 лет назад служило темой для спора норманистов и антинорманистов, тех споров, которые всегда шли в накаленной политической атмосфере, начиная с полемики великого Ломоносова с немцами-академиками середины XVIII века.

К тому же общие итоги ученых исследований о происхождении термина "Русь" не могут быть признаны удовлетворительными. В настоящее время наиболее принята компромиссная теория Брима о двойном, северном и южном, происхождении слова "Русь". Но эта теория, как всякое компромиссное решение, по существу ничего не объясняет, потому что оставляет в силе и теорию, возводящую "Русь" к варягам-скандинавам, и взгляды о южном происхождении Руси.

Для историка, изучающего происхождение термина "Русь", есть один способ определить, что понималось под Русью в IX-X веках, – это пересмотреть основные источники, знающие "Русь" и о ней упоминающие. В основном эти памятники делятся на две группы: русские и иноземные. Значение их, конечно, совершенно неравно, так как только русские источники могут с большей или меньшей точностью указать, что понималось у восточных славян под словом "Русь", какой народ и какая страна, тогда как иностранные памятники полны множества противоречий, в особенности источники арабского происхождения, которые могут быть привлечены только в виде дополнительного материала.

В исторической науке давно уже отмечено, что в XII-XIII веках название "Русь" обозначало вполне определенную страну – собственно Киевскую землю. Примеров подобного словоупотребления можно указать немало и притом в разных русских памятниках. Так, Лаврентьевская летопись, памятник владими́ро-суздальского происхождения, рассказывает о походе киевского князя Святослава Всеволодовича и сожжения города Дмитрова: "Пожга Святослав город Дмитров, возвратится опять в Русь." И это не случайное, а общепринятое выражение владими́ро-суздальских памятников. После смерти Андрея Боголюбского на совещании во Владимире говорилось: "Князь наш убьен, а детей у него нету, сынок его в Новгороде, а братья его в Руси". Итак, Владимиро-Суздальская земля – не Русь, а Русь – это южные княжества, где живут братья Андрея.

Подобное же словоупотребление видим в Новгородской земле. Для новгородца под Русью понималась Киевская земля. Можно привести ряд выражений, характерных для новгородского понимания слова "Русь", но ограничимся двумя примерами. В 1135 году "иде в Русь архиепископ Нифонт с лучшими мужи". В 1142 году сообщается, что новгородцев не пускали из Руси, пока они не приняли князя Святополка. В отличие от жителей южной Руси, которых называли русинами, новгородцы называли себя словенами. Это противопоставление русина словенину с наибольшей четкостью бросается в глаза в краткой редакции "Русской Правды", которая, судя по всему, возникла в Новгороде. В свою очередь, киевляне называли свою землю Русью в отличие от Новгородской земли ("бежащю же Святославу из Новгорода идущю в Русь к брату").

Не причисляли себя к русинам и жители Смоленской земли, что явно вытекает из рассказа о походе Изяслава Мстиславича на Волгу в 1148 году. На устье Медведицы он соеди-

нился с новгородцами, а потом пришел его брат Ростислав "С всеми рускими силами, полкы, и с Смоленскими".

Даже Галицкая земля, что особенно важно, также не считалась Русью. Победив в 1152 году Владимира Галицкого, венгерский король пошел "в Угры, а Изяслав у Русскую землю".

Значит, можно с полным основанием считать, что в XII-XIII веках название "Русь" обозначало определенную область: Киевскую землю в узком смысле этого слова.

Наряду с термином "Русь" как обозначением определенной территории употреблялось другое, более широкое понятие "Русской земли" в применении ко всем восточнославянским землям, входившим в состав Киевского государства. Примеров подобного словоупотребления много. Так, Изяслав Мстиславич заявляет: "мне отчины в Угрех нетуть, ни в Ляхох, токмо в Руской земли". Здесь Русская земля противопоставляется Венгрии и Польше как единое народное целое, а не просто как Киевская земля. Еще более четко и ясно под Русской землей понимается вся территория, населенная восточными славянами, в рассказе о Липецкой битве 1216 года. Там суздальский боярин говорит своим князьям: "не было того ни при прадедах, ни при дедах, ни при отце вашем, оже бы кто вшел ратью в силную землю в Суздальскую, оже вышел цел, хотя бы и вся Русская земля, и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская". Здесь само Киевское княжество является лишь составной частью общей Русской земли. Так понимает Русскую землю и певец "Слова о полку Игореве", и Даниил Паломник, поставивший лампаду от всей Русской земли на гробе Господнем, и автор "Слова о погибели Русской земли", обозначивший ее границы от Угорских гор до "дышучего моря", т.е. от Карпат до Ледовитого океана. Перед нами очень интересное явление. Термин "Русь" получил двойное значение: узкое для обозначения Киевской земли и широкое – для обозначения всей земли, населенной русскими.

Какое же из этих обозначений древнее? Слово ли "Русь", относившееся первоначально к Киевской земле, распространилось на остальные восточнославянские земли, или широкое понятие "Руси" сосредоточилось на понятии небольшой территории вокруг Киева? Наиболее обычным был, как известно, порядок, когда "название небольшого племени становилось названием целого народа, как, например, чехов и поляков". Можно с вероятностью предполагать, что Русью первоначально называлась только Киевская земля, откуда это название распространилось на остальные земли восточных славян.

Чтобы доказать это положение, мы должны выяснить, какое значение имело слово "Русь" в еще более раннюю эпоху, в X-XI веках. "Русь" и "Русская земля" неоднократно упоминаются в летописных известиях, но в такой форме, что трудно установить, о чем идет речь, о всей Русской земле в целом или об отдельной ее части.

Тем не менее некоторые места начальной летописи недвусмысленно доказывают, что авторы XI века называли Русью именно Киевскую землю. Говоря о древних славянских племенах, летописец сообщает: "и поляне, иже ныне зовомая Русь". Но поляне по той же летописи населяли Киев и его окрестности. Следовательно, Русь – это название Киевской земли, а не какого-нибудь другого участка восточнославянской территории. В свете подобного толкования термина "Русь" для нас становится понятным своеобразное выражение летописи, дающее расчет лет от цесаря Михаила до смерти Святополка Изяславича (в 1113 году): "от первого лета Михаила до первого лета Олгова Русаго князя лет 29, а от первого лета Олгова, понежде седе в Киеве, до первого лета Игореве лет 31". Итак, Олег признается русским князем с того времени, как он стал княжить в Киеве (понеже – потому что сел в Киеве).

Такое понимание летописного текста подтверждается другим местом "Повести древних лет": "и седе Олег, княжа в Киеве, и рече Олег: се буди мати городом руским; беша у него варязи и словени, и прочи, прозвашеся Русью". Здесь Киев – мать городов русских, а осевшие в нем варяги и словени прозываются Русью потому, что они стали жить в Киеве.

Для историка важен вопрос, к какому времени относятся приведенные выше фразы об Олеге, как, впрочем, и все летописные известия о IX-X веках. Уже И.И.Срезневский и К.Н.Бестужев-Рюмин отметили, что в упомянутом расчете лет от Михаила до Святополка заметны три слоя. Так, в конце хронологического расчета читаем: "от смерти Святослави до смерти Ярославли лет 85, а от смерти Ярославли до смерти Святополчи лет 60". По этому поводу Бестужев-Рюмин пишет: "Таким образом, само собой определяются три слоя первоначальных источников летописи: записки до смерти Святослава, до смерти Ярослава, до смерти Святополка". Это наблюдение подтверждается тем, что в упомянутом расчете лет от Михаила до Святополка видим два способа изложения. Первый кончается словами: "а от первого лета Святослави до первого лета Ярополча лет 28". После этих слов меняется самый характер изложения: "а Ярополк княжи лет 8, а Володимер княжи лет 37, а Ярослав княжи лет 40". Следовательно, первоначальный расчет лет обрывался на Ярополке.

А.А.Шахматов, а вслед за ним М.Д.Приселков возводят большинство известий о событиях IX-X веков к так называемому "Древнейшему летописному своду", составленному в 1037 году. Во всяком случае, некоторые известия X века были записаны не позднее первой половины XI века. Так, летописец сообщает, что могила Олега Святославича находится "и до сего дне у Вручего", а под 1044 годом говорят о переносе костей Олега из прежней могилы Олега в Десятинную церковь.

Тот, кто писал о могиле Олега у Вручего "до сего дне", явно не знал о последующей судьбе костей Олега. Отсюда вытекает, что рассказ о Ярополке и его братьях был написан до 1044 года.

Однако самое существование Древнейшего свода 1037 года представляется недостаточно доказанным. Сводчик, работавший в 1037 году, должен был бы с особой подробностью рассказывать о своем времени, в частности, о княжении Ярослава. Между тем оказывается, что летописец говорит об его времени кратко и неточно. Наиболее подробно рассказана борьба Ярослава со Святополком Окаянным, но этот рассказ взят из особого сочинения: "Сказания о Борисе и Глебе". Особым повествованием являлся и рассказ о Мстиславе Черниговском, к же явно более благоприятный по отношению к Мстиславу, чем к Ярославу ("не смяше Ярослав ити в Киев, дондеже смирилася"). Остальные известия о событиях времени Ярослава так кратки, что напоминают записки, сделанные на основании позднейших припоминаний или выдержек из синодиков.

В самом летописном повествовании о времени Ярослава имеются указания на то, что оно было составлено по позднейшим припоминаниям. Битва с печенегами под Киевом в 1036 году происходила там, "иде же стоит ныне святая София". В похвале Ярославу под 1037 годом говорится о Ярославе: "отец бо сего Володимер взора и умягчи землю, рекше крещеньем просветив; с же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное". В этой фразе явно обозначены три поколения: первое – Владимир, второе – Ярослав, третье – "мы", т.е. уже не современники Ярослава, а люди более позднего времени.

С тем же самым встречаемся мы при изучении летописных известий о княжении Владимира. Летописец гораздо подробнее говорит о событиях княжения Владимира до его крещения, чем о последующем времени. За длительный промежуток времени с 988 по 1015 годы встречаем лишь несколько кратких заметок, часть которых, как это указал еще А.А.Шахматов, взята из записей какого-либо синодика (время смерти того или иного члена княжеской семьи). Более подробные повествования восходят лишь к особым сказаниям: к "Слову о построении Десятинной церкви" и "Похвальному слову или краткому житию Владимира". Как малочисленны были в руках летописца известия о второй, христианской половине княжения Владимира, видно из того, что в летописи вновь появляются легенды. Таковы рас-

сказы о борьбе отрока с печенежским богатырем и об осаде Белгорода печенегам, с наивным сообщением о хитрости белгородцев.

Летописное повествование о второй половине X века оказывается более подробным, чем рассказ о первой половине XI века. Отметим несколько фактов, которые были известны летописцы из истории второй половины X века, чтобы показать его осведомленность. Летописец, например, знает, что в 945 году крещеную Русь водили к присяге в церкви Ильи, "яже есть над ручьем, конец Пасыньче беседы". Летописец знает о Свенельде, рисуя его отношения к Игорю в реальных тонах. Он знает, что Лют, или Мстиша, был сыном Свенельда; упоминаются древлянский князь Мал, полоцкий Рогволод, печенежский Куря; известно происхождение Владимира от ключницы Малуши, дочери Малка Любчанина. Если об этих лицах можно было что-то узнать из устных источников, то упоминание о персонажах, подобных "кормильцу" Асмуду и совсем неизвестному Варяжку, непонятно без предположения о существовании письменного источника. Поразительно то, что распри между сыновьями Святослава описаны с такой точностью и с таким отсутствием легендарных черт, что мы невольно должны предполагать письменный источник очень раннего происхождения, в котором рассказывалось о событиях, последовавших после смерти Святослава.

Летописный рассказ о распрях между сыновьями Святослава имеет любопытную особенность. Он написан человеком, благоприятно настроенным по отношению к Ярополку и враждебно к Владимиру. Виновником вражды Ярополка с Олегом представлен Свенельд, сам же Ярополк "плакал" над трупом брата. Рогнеда не хочет идти замуж за Владимира, "но Ярополка хочю". Киевляне были привязаны к Ярополку – "гражены же не бе лъзе убити его".

Наоборот, Владимир изображен в черных тонах, и летописец не скрывает не только его дурных деяний, но и низкого происхождения его как сына ключницы, "рабичича". Владимир перетягивает на свою сторону воеводу Блуда; по приказу Владимира убивают его брата Ярополка; Владимир "залеже жену братьню грекиню", Владимир обманывает варягов и предупреждает об опасности с их стороны византийского императора; Владимир ставит кумиры и вводит человеческие жертвоприношения; наконец, Владимир – "немыт блуда".

Противоположение Владимира – язычника, грубого, хищного и развратного варвара – другому Владимиру, просвещенному христианством, сделано так ярко в летописи, что отразилось на всей нашей исторической литературе. Обычно это противоположение объясняют желанием летописца особенно ярко обрисовать резкую перемену в характере Владимира после принятия христианства. Но вполне мыслимо объяснение чисто источниковедческого порядка. Летописец имел в своих руках различные источники. Один из этих источников представлял собой подробный рассказ о распрях между сыновьями Святослава и первых годах княжения Владимира, написанный в отрицательном духе по отношению к последнему. Не имея других более или менее полных и достоверных источников о времени Ярополка, летописец воспользовался этим рассказом, изображая Владимира-язычника, чтобы на основании других источников описать его деятельность в качестве христианина.

Но что это был за источник, и когда он был составлен? Некоторый ответ на это найдем в упомянутом ранее расчете лет. Начинаясь "от первого лета Олгова", он кончается словами: "до первого лета Ярополча лет 28". Таковы были примерные хронологические рамки нашего предполагаемого источника. Примерный его объем и содержание восстанавливается при помощи так называемой Новгородской первой летописи, которая, как доказал А.А.Шахматов, дает понятие о составе более древнего текста, чем "Повесть временных лет". Этот источник начинался словами "Начало земли Русской" и рассказывал об основании Киева и первых князьях. Конечно, эта повесть о начале Русской земли сохранилась в Новгородской летописи уже в измененном виде, ибо имеет черты обработки семидесятых годов XI века, но все-таки она более приближает нас к первоначальному тексту, чем текст "Повести временных лет", осложненный многими вставками. В частности, в ней уже находим рассказ о при-

звании трех князей, стоящий в явном противоречии с повествованием об Олеге как первом русском князе. Кроме того, рассказ разбит на годы, которые явно отсутствовали в первоначальной редакции "Повести о начале Русской земли"⁶ в чем сходятся все исследователи.

Эта повесть была несомненным произведением какого-либо южнорусского, точнее киевского, автора, отражая претензии киевлян на первенство во всей Русской земле.

Польский историк Длугош, умерший в 1480 году, как известно, пользовался русскими летописными сводами более раннего происхождения, чем известные в наше время. Вот что читаем у него о событиях в Русской земле после смерти Кия и его братьев: «К этому времени такого рода порядок наследования пришел к двум братьям, и именно Аскольду и Диру; в то время, когда они пребывали в Киеве, некоторые русские племена (*Ruthenorum nationes*), которые вследствие огромного увеличения искали себе нового поселения, тяготясь их властью, приняли от варягов трех князей, поскольку не было желательно выбрать кого-либо из своих ради равенства».

Итак, Аскольд и Дир у Длугоша – русские князья, а Рюрик и его братья-варяги признаны русскими племенами. Длугош отразил старую традицию, отвергнутую "Повестью временных лет", традицию, которая отличала варягов от Руси.

Откуда же появилось отождествление Руси и варягов в летописном рассказе о призвании князей? Источником этого отождествления явно был отрывок о народах "Афетова колена", где Русь упоминалась наряду со свеями, урманами, англянами и готами. Зная предание о варяжском происхождении Рюрика, автор рассказа о призвании князей уподобил варягом неизвестную Русь, найденную им в отрывке об Афетове колене.

Но какое реальное значение имело слово "Русь" в самом отрывке? На этот вопрос отвечает содержание отрывка об Афетове колене. Оно добавлено в летописи к общему перечислению народов, составленному по византийским источникам, но обличает источник совсем иного, не южного, а северного происхождения. Перед нами перечисление народов Западной Европы, обнаруживающее значительную осведомленность автора. Уже Круг указал, что под именем волхвов, помещенных рядом с галичанами и римлянами, надо понимать жителей Нормандии – Valland скандинавских источников, а под карлязми летописи – *carleses*, т.е. жителей позднейших Нидерландов. Спорным является значение слова "галичане", которое, по мнению С.М.Соловьева, обозначает жителей Уэльса (*pays des Gals*), а по мнению других ученых – жителей Галлии или Галисии в Испании. Для нас, впрочем, важно только отметить, что автор отрывка об Афетове колене был хорошо знаком с народами, прилегавшими к Балтийскому и Северному морям, и был осведомлен даже о таких странах, как Нормандия.

Однако нас поражает одна особенность отрывка об Афетове колене – отсутствие в ней упоминания датчан, что С.М.Соловьев объяснял тем, что "летописец смешивает датчан с англичанами вследствие тесной, постоянной связи, которая издавна существовала между этими двумя народами". В таком случае мы имеем дело с определенными датирующими указаниями, если принять во внимание непрерывную связь Англии с Данией до 1041 года. Отдельное упоминание о волхвах, Valland или Нормандии также пончтно для времени, предшествующего завоеванию Англии Вильгельмом Завоевателем в 1066 году.

Итак, отрывок о колене Афетове, по нашему снению, возник в первой половине XI века и основывался на определенных и реальных данных; он был заимствован из определенного северного источника, хорошо осведомленного о народах Северной Европы. Если к этому добавить, что предание о призвании князей находит аналогию в сказании о призвании англосаксов, то источник сведений о северных народах становится ясным: его надо искать в каком-либо северном памятнике.

Спрашивается теперь, кого же имел в виду отрывок об Афетове колене под именем Руси, помещаемой рядом с готами, если этот отрывок имел в виду реальную действительность?

А.А.Шахматов считал, что позднейший редактор просто вставил Русь в перечень народов, чтобы оправдать свою теорию о варяжском происхождении русских князей. Но можно предполагать, что летописный текст заимствовал Русь из какого-либо особого источника. Действительно, в скандинавских памятниках XI-XII веков Русь помещается обычно в соседстве со Швецией, Готией и Норвегией, но восточнее их. Такова, например, исландская карта XII века, составленная на основании древнейших сведений скандинавов о восточных странах. Что так именно и могло обстоять дело, доказывается подборкой сведений о скандинавских взглядах на Русь, сделанной П.П.Смирновым. Тщательный пересмотр скандинавских сведений о Руси привел П.П.Смирнова к мысли, что скандинавы помещали Русь к востоку от Балтийского моря и даже Гардарики, т.е. Новгородской земли. Однако П.П.Смирнов ищет в Рюсаланде, или Рисаланде, скандинавских легенд какую-то норманскую колонию в Восточной Европе очень раннего времени (хотя и он считает, что скандинавы обозначали Русь приблизительно к востоку от Новгородской земли). По нашему мнению, Русь появилась в перечне народов по своего рода недоразумению. Найдя в своем северном источнике Русь, помещенную в соседстве со шведами и готами, автор рассказа о призвании князей уподобил Русь варягам.

Что речь идет о своего рода домысле, поправке, которую древнерусский книжник делал к рассказу о призвании князей, видно из целого ряда пояснений к летописному тексту. Насколько же были запутаны представления летописца о происхождении Руси, видно из такой фразы "Повести временных лет": "И от тех варяг прозвася Руская земля, ноугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода Варяжска, преже бо беша Словене". Если буквально переводить этот текст, то получится, что новгородцы сделались варягами, хотя раньше были словенями, тогда как новгородцы никогда не теряли своего славянского происхождения.

Летописец вынужден постоянно поправлять свой собственный текст, так как он прекрасно знал различие между варягами и Русью, знал, что и те и другие говорят на разных языках, ибо самые ярые норманисты все-таки не утверждают, что киевские князья, по крайней мере Святослав и Игорь, говорили на скандинавских языках, а не по-русски. Поэтому летописец порой совсем забывает о пресловутом заморском происхождении Руси.

Говоря о походе на Царьград 944 года, летописец сообщает: "Игорь же совокупив вои многи: Варяги, Русь и Поляны, Словени и Кривичи и Тиверци и Печенеги". Здесь Русь выступает отдельно от варягов, вместе с полянами, в отличие от словен и кривичей, как особое племя. В другом месте летописец дает перечисление составных частей в войске Олега: "Варяги, Чюдь, Словены, Меря и Весь и Кривичи". В этом списке указаны новгородские словены и кривичи, но нет полян. Что летописец понимал в данном случае под полянами Русь, видно из дальнейшего текста: "и беша у него Варязи и Словени и прочи прозвашася Русью". Все эти переделки, добавки и недомолвки в тексте "Повести временных лет" были отмечены А.А.Шахматовым, который признал, что первоначальный текст летописи был исправлен "на основании особой сложившейся у составителя "Повести временных лет" теории, признававшей, что в 862 году в Новгород были призваны не варяжские, а русские князья".

Однако, не придавая исторической достоверности "ученым мудрствованиям" составителя "Повести временных лет", Шахматов все-таки соглашается с ним в его исходных позициях. Для Шахматова "Русь это те же норманы, те же скандинавы; Русь это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии". При всем уважении к авторитету А.А.Шахматова мы должны признать, что его вывод не подтвержден доказательствами, ибо о двух исходах варягов в Восточную Европу ничего не известно. Так, знаток германских древне-

стей профессор Браун в ответ на запрос профессора Ламанского сообщал, что "более ясные географические сведения о России начинаются в сагах только с самого конца X века".

Речь должна идти не о двух потоках скандинавов, вышедших в Восточную Европу, а о двух литературных традициях: первая из них (южная) считала Русь славянским, а вторая (северная) – варяжским племенем. Эти две традиции были отмечены самим Шахматовым, который, однако, не сделал из этого факта должных выводов, уступая перед авторитетами более ранних исследователей. Северные источники придавали особое значение варяжскому влиянию, что и понятно, если вспомнить постоянную связь Новгорода со Скандинавией. Здесь и сложился рассказ о призвании варягов, упоминающий о трех северных городах: Новгороде, Изборске и Белоозере. Первоначальный рассказ о призвании князей говорил только о народах северной Руси: словенах, кривичах, мери и веси. Поэтому Русь отсутствует в Новгородской первой летописи в рассказе о призвании князей и названы просто варяги. Позже РУсь была вставлена в число племен, призывавших князей, что отразилось в текстах Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Еще позднее Русь была отождествлена с варягами на основании отрывка о народах Афетова колена.

Пожалуй, наиболее загадочным и неясным рисуется для нас вопрос "о взаимоотношениях между Рюриком и Игорем, с одной стороны, Игорем и Олегом – с другой. По летописцу Рюрик умер в 879 году и его сын Игорь был еще младенцем ("бысть бо детеск вельми"). В 903 году Игорь женился на Ольге, а умер в 945 году, старше 70 лет. Рождение же Святослава по Ипатьевской летописи относится к 942 году, т.е. произошло после сорокалетней брачной жизни Игоря и Ольги. Ясно, что Рюрик и Игорь искусственно соединены друг с другом: недаром же старый Игорь проявляет необыкновенную прыть в походах против древлян. И эту-то явно сказочную хронологию пытаются оправдать различными домыслами.

Но когда и для кого понадобилась подобная сшивка известий? Мы видели, что рассказ о начале Киева и первых князьях, кончая Владимиром, возник в первой половине XI века, по нашему предположению – в 1015-1019 годах. Он возник в прямой связи с борьбой киевлян и новгородцев, Святополка Окаянного с Ярославом. В этой борьбе Святополк нашел поддержку в Польше, и летописец протянул прямую связь между полянами и поляками, что особенно четко отразилось у Длугоша. В древнейшем тексте под Русью понималась еще Киевская земля, а создателями Киева признавались поляне. Однако Святополк был изгнан из Киева и бежал в Польшу от Ярослава, одержавшего победу с помощью варягов. Эта победа и дала толчок к созданию нового рассказа о начале Русской земли. На первое место были выдвинуты варяги, которым было предписано создание Русского государства. Но старый текст, выставивший превосходство киевлян, или Руси, над словенами (или новгородцами), все-таки оставил следы в "Повести временных лет". Поэтому летописец противопоставляет Русь (или киевлян) новгородцам (или словенам). Отсюда насмешливый рассказ о Руси, получившей паволочитые паруса, и о словенах, взявшихся за свои тостины; поэтому летопись вкладывает в уста апостола Андрея насмешливо удивленный рассказ о словенских банях. В конечном итоге домысел писателя времен Ярослава о скандинавском происхождении слова Русь хотел только доказать, что русские князья вначале появились в Новгороде, а позже в Киеве, тогда как его предшественники говорили, что Русью первоначально называлась Киевская земля.

До сих пор мы касались главным образом летописного текста в том виде, как он известен нам в "Повести временных лет", но в ту же повесть внесены два подлинных документа X века: договор Олега с греками 911 года и договор Игоря 945 года. Оба договора обычно признаются несомненными доказательствами правильности домыслов летописца о варяжском происхождении названия "Русь", потому что в них "от рода Руссаго" выступают люди, носящие в договоре 911 года почти исключительно, а в договоре 945 года – преимущественно норманские имена. Попытки объяснить имена русских послов из славянских кор-

ней являются, пожалуй, наиболее компрометирующими для противников норманской теории происхождения Руси и доведены в работах Геденова и Иловайского до абсурда.

Было бы совершенно бесцельно о ненаучно делать славянами Инегельда, Фарлофа и других посланных от имени Олега в Византию. Но скандинавские имена русских послов в Византии еще не доказывают, что Русь и скандинавские выходцы – одно и то же. Варяги, бывшие представителями "от рода Русскаго" в Византии, без всякого сомнения, и не могли бы себя иначе называть в официальном договоре, потому что они были представителями русского князя. К тому же роду Русскому в договоре 945 года отнесены Володислав и Борич, лица, носившие имена, во всяком случае, не скандинавского происхождения. Конечно, в договорах Руси с Византией не отмечали данных о происхождении того или иного гостя или посла, отправленного в Византию для переговоров о мире. Поэтому отрицать наличие славянских имен в договоре Игоря 945 года столь же смешно и нелепо, как делать всех послов Олега и Игоря славянами. Несомненно, количество дружинников-варягов в войсках Олега и Игоря было значительным. В самой Византии варяги были хорошо известны и служили в придворных войсках императора. Вот почему они и выступают главными представителями русских князей в X веке. Поэтому "Русь" X века нередко отождествлялась византийцами с норманнами, как это читаем, например у Симеона Логофета. Ведь писал же Титмар Мерзбургский, что в Киеве живет много данов (датчан), хотя самый яркий норманист не сказал бы, что в начале XI века Киев был не славянским, а датским городом, тем более что даже имя датчан осталось, как мы видели, неизвестным "Повести временных лет". Впрочем, изучение имен русских послов в договорах Олега и Игоря могло бы дать все-таки неожиданные результаты. Зная о существовании болгарской надписи 904 года на греческом языке, где упоминается об Ольге-таркане, ученые остерегались бы делать Олега скандинавом.

Из кого же состояла русская знать X века: из славян или варягов?

На этот вопрос дает ответ тот же договор Руси с греками 945 года: "Мы от рода Русскаго слы и гостье, – читаем в его тексте, – Ивор, сол Игорев великаго князя Русскаго, и обции сли, Вуефаст Святославль сына Игорева, Искусеви Олгы княгыня, Слуды Игорев, нетий Игорев, Улеб Володиславль, Каницар Передславин". Перед нами два ряда имен: князья, посылающие своих представителей, носят имена Игоря, Святослава, Ольги, Владислава, Передславы, тогда как послы называются Ивором, Вуефастом, Искусеви, Слуды, Улебом, Каницаром. Не будем заниматься лингвистическими изысканиями. Пусть имена послов, даже такие, как Ивор и Улеб, принадлежат к скандинавским именам, что, впрочем, сомнительно, но три княжеских имени из пяти (Святослав, Владислав, Передслава), бесспорно, славянские.

Итак, верхушка, князья – славяне, а их послы – варяги. Вот единственный вывод, который можно сделать из анализа имен в договорах Руси с греками X века. Напрасно ссылаться на быстрое ославянивание варяжской династии. Родовые имена держались обычно долго, как это видим в первой династии прошлого происхождения в Дунайской Болгарии, князья которой сохраняют титулы и имена неславянского характера почти два века.

Не проще ли считать, что варяги-наемники окрашивали своими именами дружину русских князей X века, а князья были славянами и пользовались славянскими именами? Поэтому Русь клялась Перуном и Волосом, а не Одином и Тором, как следовало бы ждать от норманских князей.

Анализ летописных известий, как мы видели, привел нас к выводу, что название "Русь" было древним для Киевской Руси и возникло значительно ранее X века. Теперь нам надлежит посмотреть, как этот вывод подтверждается иностранными свидетельствами.

В основном иноземные источники, упоминающие о Руси IX-X веков, относятся к трем группам: западноевропейской, византийской и восточной.

Западноевропейские авторы знали о Руси уже в IX веке. В конце IX века (по мнению Шафарика, между 866-890 годами) написал свою работу анонимный "Баварский географ",

произведение которого сохранилось уже в списке XI-XII веков. Перечисляя города и области к северу от Дуная, он называет некоторые восточнославянские племена, известные по летописи. В этом перечислении находим хазаров (Cazari) и русских (Ruzzi). Аноним знает русских как особое племя и помещает его тотчас же после хазар, отмечая тем самым их близкое соседство, как это и было в действительности. Ruzzi "Баварского географа" упомянуты в числе других славянских племен, и ничто еще не указывает на позднее, а тем более на варяжское происхождение их имени.

Замечательно, что в Венгрии существовало предание о том, что русские пришли к Карпатским горам вместе с венграми под предводительством венгерского вождя Альмы, как пишет это в своей хронике известный нотариус короля Белы. Насколько было древним в Венгрии имя русских, показывает свидетельство 1031 года, по которому сын короля Стефана Венгерского, княживший в Бихарске, назывался русским князем – *dux Ruizorum*.

К еще более раннему времени относится известное упоминание о Руси в Бертинских летописях. В 837 году к Людовику Благочестивому в Ингельгейм пришли послы от византийского императора Феофила и привели с собой "неких людей, которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рус, и которых, как они говорили, царь их по имени Хакан отправил к Феофилу ради дружбы". Теперь уже нет сомнения в том, что речь идет о титуле "Каган", применявшемся еще в XI веке по отношению к киевскому князю, как показывает известное "Слово о законе и благодати" митрополита Иллариона.

Известия Бертинских летописей неоднократно подвергались анализу в ученых исследованиях, но все ученые одинаково исходили из мысли о том, что русские были неизвестны в Германии, что появление народа "рос" при дворе Людовика Благочестивого было неожиданным и вызвало соответствующую реакцию. Предвзятое мнение о появлении названия "Русь" только после пресловутого призвания князей всегда довлело на комментариях вышеупомянутого известия 837 года. Между тем русские были известны в Германии уже в 903-904 годах, как это доказал В.Г.Васильевский на основании Раффельштеттенского устава. Васильевский, кстати сказать, весьма насмешливо отнесся к скептицизму русских историков, упорно отвергавших мнение, что устав говорит о славянах, приходящих из Руси, несмотря на авторитетные замечания ряда немецких ученых. "Невероятным это, – пишет Васильевский, – продолжает казаться только русским исследователям; они как будто пугаются мысли, что уже во времена Олега русская торговля могла заходить столь далеко". Итак, два западных известия – Раффельштеттенский устав и баварский аноним – уже знают русских, которые, следовательно, были известны в Германии в конце IX века.

Бертинские летописи обнаруживают, что русские были известны и в Византии. Император Феофил прислал к Людовику Благочестивому посланных из "народа Рос", с тем, чтобы дать им возможность вернуться на родину безопасно. Что народ "рос" был известен в то время в Византии, уже доказано Васильевским. Ясно, что византийцы знали о существовании пути из Германии к народу "рос".

Если бы народ "рос" был совершенно неизвестен в Германии, то появление его представителей в Ингельгейме не вызвало бы никаких подозрений, но в том-то и дело, что прибывшие были варягами, а не русскими (*eos gentis esse Sueonum*), что и вызвало подозрение Людовика.

Оснований для подобных подозрений было тем больше, что прием в Ингельгейме происходил в особых условиях. Людовик готовился к войне против сыновей и вел переговоры с соседними славянскими племенами. Нет никакого основания отождествлять народ "рос" со шведами, так как расследование именно показало, что присланные называли себя народом "рос", а в действительности были шведами. Перед нами явление, отмеченное уже ранее: варяжские наемники называют себя народом "рос", у князей которого они находились на

службе. Напомним, что дело происходило на верхнем Дунае, в Ингельгейме, в тех областях, к которым относится Раффельштеттенский устав.

Насколько могли быть древними торговые отношения между Русью и Германией в этой области, показывает одно не лишенное интереса обстоятельство. Суда, причаливавшие в Росодорфе (теперь исчезнувший город между Пассау и Линцем), платили таможенную пошлину в размере полдрахмы, т.е. один скоти (*id est scoti*). Известно, что в "Русской Правде" словом "скот" обозначаются деньги, отсюда "скотник" – казначей, "скотница" – казна. Уже Болтин указал на связь русского слова "скот" с англосаксонской монетной системой. Перед нами, может быть, один из путей проникновения слова "скот" в значение денег в русский язык. Итак, западноевропейские известия не противоречат, а скорее, подтверждают наш вывод, что слово "Русь" было местным, славянским и пришло не с севера, а возникло на юге восточного славянства.

Остановимся теперь кратко на византийских свидетельствах, на которых особенно ценные сведения находим у патриарха Фотия и Константина Багрянородного. Теперь уже едва ли кто-нибудь будет отстаивать мнение Куника о том, что беседа Фотия о нашествии Руси написана в 865, а не в 860 году. Фотиф высокопарно говорит о Руси: "народ неименитый, народ непочитаемый, народ, поставляемый наравне с рабами, незнатный, но получивший имя со времени похода против нас, достигший блистательной высоты и несметного богатства, народ, где-то далеко от нас живущий, варварский, кочующий, гордящийся оружием, неожиданный, незамеченный, без военного искусства".

В этих риторических словах бросается в глаза, что народ "рос" упоминается в связи с рабами. Только ли это риторика, или автор имеет в виду какую-то реальность? Вспомним, что рабский рынок в Константинополе довольно часто пополнялся пленными славянскими рабами. Народ "рос", повидимому, напоминал Фотию знакомые образы пленных, которые появлялись на улицах византийской столицы. Народ, напавший на Константинополь, жил где-то далеко от Византии, а это плохо походит на готов, населявших знакомый для греков Крымский полуостров, которых Васильевский принимает за росов, называемых патриархом Фотием. Тот же Фотий пишет, что "росы", "поднявшие руку против государства Ромейского, променяли свое прежнее языческое и нечестивое учение на чистую веру христианскую, ставши в ряд подданных и друзей". Они даже приняли из Византии епископа.

Это известие давно уже сопоставлено со свидетельством жития Кирилла-Первоучителя о русских письменах, найденных им в херсонесе. Уже В.И.Ламанский убедительно доказал, что речь идет о первом крещении Руси в IX веке, о чем сообщает и Фотий. Кирилл прибыл в Херсонес "и обрет ту евангелие и псалтырь рушькими письмены писано, и чело века обрет глаголюща тою беседою, и беседовав с ним и силу речи прием, своей беседе прикладая различии письмен, гласнаа и согласнаа, и к Богу молитву дръжа, и вскоре начат чести и сказовати, и дивляхуся ему, Бога хваляще".

Как это ни странно, ясное свидетельство о русской грамоте тотчас было принято такими видными учеными, как Голубинский и Васильевский, за указание на готскую азбуку, а русские письмены были признаны готскими. Но ведь известно, что Херсонес был городом, где в большом количестве жили восточные славяне. В договорах Руси с греками подчеркивается особое отношение Херсонеса к Руси, в херсонесе оказались люди, предавшие город в руки Владимира Святого, позже херсонесцы побили камнями грека, отравившего тмутарканского князя Ростислава Владимировича. Не случайно и автор X века черноризец Храбр, говорит, что до изобретения грамоты Кириллом славяне пользовались несовершенной азбукой, "чертами и резами", а также латинским и греческим алфавитом. Нам понятны слова жития о том, что Кирилл беседовал с человеком, читавшим псалтырь и евангелие на славянском языке, так как Кирилл сам был славянином; но каким образом Кирилл мог беседовать с готом, не зная готского языка, остается непонятным.

Очень решительным доказательством "скандинавского" происхождения слова "Русь" обычно считаются "русские" названия днепровских порогов у Константина Багрянородного, автора X века. По его словам, первый порог носил название Эссупи, что, по-русски и по-славянски значило "не спи". Второй порог по-русски назывался Улворси, а по-славянски Островунипраг, что значит "остров порога". Третий назывался Геландри, что по-славянски означало "шум порога". Четвертый порог именовался по-русски Аифор, а по-славянски Неясыть, потому что в камнях его гнездились печенег. Пятый порог по-русски назывался Варуфорос, а по-славянски Вульнипраг, потому что он образовывал большую заводь. Шестой по-русски носил название Лепнти, а по-славянски Веруци, что значит бурление воды. Седьмой порог по-русски назывался Струкун, а по-славянски Напрези, что значило "малый порог".

Составив список названий порогов на обоих языках, мы получим такой порядок: к русским отнесены Эссупи, Улворси, Аифор, Варуфорос, Леанти, Струкун, к славянским – Эссупи, Островунипраг, Геландри, Неясыть, Вульнипраг, Веруци, Напрези. Надо признать, что русские названия легче всего объясняются из скандинавских корней, тогда как славянский ряд названий производится из корней славянского языка, хотя гаданья Томсена и некоторых других авторов такого же толка о происхождении названий отдельных порогов имеют чрезмерно гипотетический характер. Но обычный вывод из этого наблюдения, сводящийся к тому: что русский язык означает скандинавский, представляется опрометчивым. Ведь список порогов, данный Константином Багрянородным, дошел до нас в явно дефектном виде. Славянское название Геландри, например, звучит не по-славянски; в свою очередь "русское" название Струкун найдет себе объяснение и в славянских языках.

Историк вообще не может обойти вопрос о тех источниках, которыми пользовался Константин Багрянородный при рассказе о порогах. Этот источник давал хорошие сведения о славянских названиях порогов, но эти сведения были не восточно-, а южнославянского происхождения, вследствие чего мы везде находим "праг", а не русский "порог". Можно думать, что славянские названия порогов у Константина Багрянородного были переданы ему каким-либо болгаринном, ходившим для торговли в Русь. Кто же сообщил "русские" названия порогов? Наряду с порогами Константин Багрянородный называет русские города, притом в наредкость испорченном виде, так что мы едва можем узнать в Милиниски – Смоленск, а Чернигога – Чернигов, в Телюце – Любечь, а название киевской крепости Самватас од сих пор служит камнем преткновения для лингвистов.

Кто же сообщил Константину Багрянородному испорченные названия русских городов? Конечно, тот же, кто Новгород называл Немогард с явным скандинавским окончанием на "гард", т.е. какой-нибудь варяг. Варяжский источник Константина Багрянородного и сообщил ему "русские" названия порогов в скандинавской окраске. Поэтому совершенно прав С.В.Юшков, когда он пишет, что русские названия являются не переводами славянских названий, а двумя разными географическими номенклатурами. Позднейшие названия днепровских порогов звучат по-иному, чем славянские и "русские" названия у Константина Багрянородного. Каковы же они были в древности – не знаем, хотя древние названия многих урочищ Киевской РУси, запустелых во времена монгольских погромов, сохранились до сих пор. Путешествия варягов по Днепру нашли отражение в названии некоторых порогов, а византийцы явно путали "Русь" с варягами, приходившими из Руси и служившими в византийских войсках.

Но у Константина Багрянородного есть еще некоторые сведения, показывающие, что в его время с областью руссов соединялось представление именно о Киевской земле. Он говорит, что Игорь был русским князем, совершенно так же, как называет Игоря летописец, заявляющий устами древлян, что они убили русского князя. Лодки собираются в Киеве, где их продают русским. Князья "выходят со всеми Руссами из Киева и отправляются в полю-

дые и именно в славянские земли Вервианов, другувитов, Кривичей, Севериев и остальных славян, платящих дань Руссам".

В этих словах видят прямое указание на отличие руссов от славян, им подчиненных. Безмолвно признается тем самым, что даже в юность Святослава руссы были особым народом и, значит, говорили на по-славянски, а на скандинавских языках. При этом не замечено только одно: среди подвластных руссам племен названы дреговичи, кривичи, северяне, нет только полян и древлян, а ведь те и другие должны были являться в первую очередь данниками руссов, если в последних признавать норманов. Но отсутствие упоминания о полянах и древлянах понятно, ибо они и были Русью, т.е. жителями Киевской земли. Сильный варяжский элемент, окрашивавший дружину Игоря (о чем можно судить по именам Свенельда и Асмуда), заставлял византийцев видеть в руссах особый народ, подчинивший себе окрестных славян.

Последняя серия известий о древней Руси представлена трудами восточных, в основном арабских авторов, из которых для нас имеют интерес только древнейшие известия. На первом месте стоит "Книга путей и царств" Ибн-Хордадбе, писавшего примерно в шестидесятых годах IX века. "Что же касается пути купцов Руси, – сообщает Ибн-Хордадбе, – а они принадлежат к славянам, то они вывозят меха бобров, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому морю, и царь Рума берет с них десятину. А если желают, то ездят Танаисом, рекой славян, проходят через Камлидж, столицу хазар, там их владетель берет с них десятину. Затем они плавают по морю Джурджана и выходят на любой им берег (диаметр же этого моря 500 фарсангов). Иногда они возят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад. Евнухи-славяне бывают здесь у них за переводчиков. Они выдают себя за христиан и потому платят подушную подать". Свидетельство Ибн-Хордадбе настолько красноречиво говорит в пользу славянского происхождения Руси, что не требует комментария. Замечательнее всего, что русские выдают себя за христиан, что перекликается с известием о русских письменах в житии Кирилла, славянский же характер языка русских подчеркивается тем, что переводчиками для них служат евнухи-славяне.

Близкие к приведенному выше свидетельству строки читаем у Аль-Джайхани, писателя конца IX – начала X века. Он пишет, что "Русы состоят из трех родов: 1) Русы, живущие в ближайшем соседстве с Булгаром, владетель этих русов живет в городе, называемом Куяб; 2) Славия; 3) Тания". Нам нет никакой нужды вступать в длинные рассуждения о том, что такое Славия и Тания. Достаточно отметить, что Киев (Куяб) как столица руссов уже был известен в это время в странах арабского халифата.

Более подробны и в то же время более неясны свидетельства арабских авторов X века. Ибн-Русте уже отличает Русь от славян, оба эти народа враждуют между собой. Замечательнее всего, что "Русь" имеет царя, который зовется хакан-рус, что совпадает с известием Бертинских летописей. Крайняя путанность восточных известий не позволяет воспользоваться ими для нашей темы. Отметим только, что арабские писатели IX века считают русских славянами, а писатели X века уже отличают славян от русских, что зависело от целого ряда причин, на которых мы сейчас остановимся.

Представление о варяжском происхождении Русского государства все еще держится на догадках о вековой осталости Восточной Европы от Запада. Между тем уже в период господства готов в III-IV веках среди славян выделились отдельные князья. Славянские племена стали объединяться для общей борьбы с готами, и предание сохранило имя одного из таких князей – Божа. Готский король "двинул новую силу в пределы антов и напал на них. В первом столкновении он потерпел поражение, но затем повел дело храбро и ради наводящего ужас примера распял вождя из Божа с сыновьями и 70 старшими вельможами".

Современная историческая наука признала неоспоримым фактом, что под именем антов в ранних византийских источниках выступают предки восточных славян. Поэтому

академик Б.Д.Греков вполне основательно отмечает "факт объединения огромных масс славян под единой властью в V веке". Самое имя Бож может быть сопоставлено с племенным названием бужан, живших по Западному Бугу, с городом Бужском (или Бо зком!), известным уже со времени Киевского государства. Текст Иордана не оставляет сомнений в том, что Бож был князем, окруженным начальниками или боярами. Говоря о войнах славян с Византией, Б.Д.Греков в своей примечательной книге о начале русского государства делает такой вывод: "Славяне для проведения до конца своей борьбы и для укрепления своих побед должны были организоваться. Толпа народа не могла победить Империю".

Если наше предположение о связи Бож со страной бужан имеет некоторые основания считаться достоверным, то другое свидетельство о возникновении славянского центра в бассейне Западного Буга получает особое значение. Арабский писатель X века Аль-Масуди сообщает, что славяне составляют разные племена и имеют своих царей. "Некоторые из них исповедуют христианскую веру по якобитскому толку, некоторые не имеют писания, не повинуются законам; они язычники и ничего не знают о законах. Из этих племен одно имело прежде власть над ними, его царя называли Маджак, а самое племя называлось Валинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо верховная власть была у него и прочие цари ему повиновались". В другом месте своего сочинения Аль-Масуди еще раз называет Маджака, царя Валинаны, – племени, которое некогда имело превосходство над другими славянскими племенами.

В.О.Ключевский связывал предание о волынниках у Масуди с летописным преданием о дудебах, примученных аvarами (обрами), о гибели которых на Руси сохранялась пословица (притча) еще в XI веке. Мысль В.О.Ключевского в настоящее время поддержана и развита в виде законченного построения Б.Д.Грекова в его исследовании "Борьба Руси за создание своего государства". Напомним, что царь аvarов именовал себя каганом. Быстрая гибель аvar объясняется не только их внешними поражениями, но и восстаниями против них славянских племен. На месте аvarского каганата создалось объединение славянских племен, глава которого принял титул аvarских властителей; вместо аvarского кагана появился хакан-рус.

Итак, существование славянских княжеств на протяжении IV-VIII веков и притом княжеств на территории восточных славян может считаться доказанным. Недаром же среди русских городов нельзя указать ни одного со скандинавским названием. Новгород, Смоленск, Полоцк, Киев и другие древние города носят славянские названия. Следовательно, варяги явились позже основания древнейших русских городов. Город – носитель культуры. Значит, русская культура начала складываться среди восточных славян задолго и вне варяжского влияния.

Среди восточных славян в VIII-IX веках стало выделяться племя, жившее по среднему течению Днепра, в области полян, в древней культурной области, где когда-то была распространена трипольская культура. Но где первоначально находились поселения полян, самое имя которых обозначает людей, сидевших "в полях", тогда как окрестности Киева были лесистыми и город был окружен "великим бором", о чем еще помнил летописец? Трудно сомневаться в том, что основная масса полян жила к югу от Киева до реки Роси и по течению этой реки и ее притока Россавы. Здесь при впадении Роси в Днепр находился летописный город родня, остатки которого видят в Княжьей горе, богатой археологическими находками. Сюда в град Родню "на устьи Роси" бежит Ярополк из Киева, убегая от своего брата Владимира Святого. Итак Рось, Россава, Родня соединены в одном месте.

Река Рось – только небольшой приток Днепра, впадающий в него с правой стороны. Однако весь бассейн Роси обильно усеян городищами. "Города по среднему течению Днепра, – пишет Ю.В.Готье, – примерно от Киева до порогов существовали задолго до возникновения Киевской державы, но приурочивать их к определенным местам и тем более к позднейшим городам, известным из русских летописей, нет пока никаких оснований. А между

тем эти города, действительно, существовали. Некоторые из них, вроде Киева, продолжают жить и до настоящего времени; память о других дошла до нас в виде городищ, которых в одной только Киевской губернии обнаружено свыше 400". Центром указанной местности был бассейн Роси. Быть может, первоначальное название Роси распространялось на все среднее течение Днепра, а корень Рось, возможно, уже заключен в геродотовском названии Днепра – Борисфен. В области полян, по которой протекала река Рось, находим в IX-XIII веках Русь, как об этом согласно показывают летописные свидетельства. Не варяги называли страну полян Русью, а осевшие в Киеве "словени и варязи и прочие прозвашася Русью".

Почему же в X веке иностранные источники начинают упорно говорить о варягах и путать их с Русью? Потому, что в X веке происходят новые события; в среднее Приднепровье вторгаются с севера варяги, уже осевшие в Новгороде. О завоевании Киева князем Олегом хорошо помнил летописец; он помнил и о том, что до олега в Киеве сидели свои князья, как это отметил и Длугош на основании древних источников. Варяжская дружина сопровождает Олега в его походах и сама начинает называть себя Русью. Но древние предания о славянских князьях хорошо были известны еще в начале XI века, во время борьбы Святополка с Ярославом, и нашли свое отражение в "Повести временных лет". Русь – это поляне, жители Киева. Однако с этим представлением не мирилось представление о варяжском происхождении династии Рюриковичей, не мирилось сознание того, что верхушку дружины в X веке составляли варяги. В X веке и начале XI века идет непрерывная борьба между Новгородом и Киевом. В этой борьбе победа остается за новгородскими князьями, опиравшимися на варягов. Отсюда домысел летописца, который столько лет мешал правильному пониманию исторического процесса в Восточной Европе. Исторической науке пора уже отказаться от домыслов XI века и сделать единственный возможный вывод о происхождении слова "Русь".

Название "Русь" – древнее прозвище Киевской земли, страны полян, известное уже в первой половине IX века, задолго до завоевания Киева северными князьями.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

НЕСТОР ¹

По потопе трое сыновей Ноя разделили землю, Сим, Хам, Иафет.

И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в длину, а в широту до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Ефрат, Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елимаис, Индия, Аравия Сильная, Килистрия, Комагина, вся Финикия.

Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, Фиваида, Ливия и некоторые острова: Сардиния, Крит, Кипр и река Геона, иначе называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхис, Босфор, Меотий, Деревия, Сарматия, жители Тавриды, Скифия, Фракия, Македония, Далматия, Малосия, Фессалия, Аркадия, Ипиротия, Иллирия, славяне, Лихтиния, Адриакция, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Кифера, Закинф, Кефалония, Итака, Корсика, часть Азии, называемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского (Черного) моря на север: Дунай, Днестр, Кавказские горы, т.е. Венгерские, а оттуда до Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в страны Сима. В странах же Иафета сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, емь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, либь. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку – до пределов Сима, сидят по тому же морю и к западу – до земли английской и волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманы, готы, русь, англ, галлы, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, генуэзцы и прочие, – они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем хамовым.

(Повесть временных лет, 112)

М.В.ЛОМОНОСОВ

Страбон говорит: за Днепром живут дальнейшие из известных скифов – роксолане, далее стужа жить не попускает; и в другом месте: роксолане живут далее всех к северу, на полях между Днепром и Доном; далее живет ли кто, не знаем.

После IV века по Рождестве Христове о роксоланах ничего больше у древних писателей не слышно. а после VIII века в IX, на том же месте, где прежде полагали роксолан, учинился весьма славен народ русский, который и росс назывался.

Понеже народ российский с народом роксоланским есть одного имени, одного места и одного языка, то неоспоримо есть, что российский народ имеет свое происхождение и имя от роксолан древних. Ибо никоею мерою статья не может, чтобы великий и сильный народ роксоланский вдруг вовсе разрушился, а после бы на том же месте, того же имени и того же языка сильный же народ вдруг проявился, а не был бы с первым одного происхождения.

Я не спорю, что некоторые имена первых владетелей российских и их знатных людей были скандинавские; однако из того отнюд не следует, чтобы они были скандинавы. Почти все россияне имеют ныне имена греческие и еврейские, однако следует ли из того, чтобы они были греки или евреи и говорили бы по-гречески или по-еврейски. Варяги, называемые русь

¹ Здесь и далее из публикуемых в настоящем издании работ печатаются только исследования и тексты о русском народе

славянского колена, жившие на восточно-южных берегах Варяжского моря, имели сообщение с варягами скандинавскими через море, и для того князья их и знатные люди нередко женились у скандинавов и в угождение своим супругам давали детям нередко имена скандинавские.

Имею я облак свидетелей, которые показывают, что варяги и Рурик, с родом своим пришедшие в Новгород, были колена славянского, говорили языком славянским, происходили от древних роксолан, или россов, и были отнюдь не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною.

(Замечания и возражения на речь академика Миллера «Происхождение народа и имени Российского», 87)

А.Н.РАДИЩЕВ

Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ Российский! О народ, к величию и славе рожденный!

(Путешествие из Петербурга в Москву, 119)

Г.Ф.КОВАЛЕВ

Можно сделать предположение, что корень слова «Русь» был заимствован из финно-угорских языков, так же как и другие русифицированные этнические названия финно-угров. В пользу этого говорит не только географическая близость и даже взаимопроникновение древних славянских и финно-угорских племен, но и близость в системе этнической номинации. Это сходство проявлялось, по мнению К.Ф.Тиандера, в том, что «финны одним и тем же именем обозначают и местность и народность, населяющую эту местность». Такое же положение было и у древних восточных славян – этнонимы являлись в то же время и хоронимами.

А.А.Шахматов писал: "Форма Русь так относится к Ruotsi, как древнерусское Сумь к финскому Suomi. Мне кажется, что элементарные методологические соображения не позволяют отделить современное финское Ruotsi от имени Русь".

Однако данная гипотеза также наталкивается на ряд трудностей. Во –первых, в разных финно-угорских языках и диалектах термин применяется в качестве названия шведов, норвежцев, русских и даже самих финнов. Во-вторых, пока не найдена убедительная этимология слова Ruotsi в финно-угорских языках.

Восточные славяне, будучи в постоянном и непосредственном контакте с финно-угорскими племенами, вполне могли перенять финно-угорское название, ставшее впоследствии древнерусским этнонимом и хоронимом "Русь". Отсюда и уникальность этого названия в системе славянской этнонимии.

(История русских этнических названий, 75)

Б.Д.ГРЕКОВ

Существует в нашей литературе и мнение о том, что «русь» и «рос» – термины разного происхождения: «русь» – северного, «рос» – южного, что оба эти термины волею исторических судеб встретились и продолжают мирно жить вместе в словах «Россия» и «Русский».

(Киевская Русь, 47).

Л.В.ПАДАЛКА

Происхождение имени «Русь».

Отправной пункт для розысканий о происхождении имени «Русь» дают главнейшие труды по древнему периоду Русской истории (для данной главы настоящего сообщения пришлось пользоваться главным образом, трудами: М.Грушевский, «Киевская Русь», издание 1910 года, его же «История Украины-Руси», том 1, 1898 год; В.Ключевский, «Курс Русской истории», издание 1904 года, «Варяги и Русь», историческое исследование Геденова, 1876 года, «история нрава Русского народа», Н.П.Загоскина, 1899 года). Тожественное по содержанию с этим именем понятие видим в предикативной приставке к имени одного из огромнейших этнических конгломератов, занимавшего в начале нашей эры обширное пространство восточно-европейской равнины от предгорий Кавказа до реки Днестра, а именно этнического конгломерата, известного в исторической традиции под именем Рокс-Аланов (Роксоланов). В именном обозначении названной этнической массы лингвисты видят две составные части: 1) имя народности Алан, покрывшее собою целый ряд племен скифо-сарматской группы в придонских и приднепровских степях и 2) предикативную приставку «Рокс-Урс-Рус», языковая основа которой, выражающая понятие белизны и донныне сохранилась в языке Осетинов, древнего этнического осколка, задержавшегося в ущельях предгорий Кавказа. Сложное имя Рокс-Аланы – значит Белые Аланы.

Нужно остановиться на понятии белизны, выраженном в этом имени. Понятие белизны, равно как и противоположное понятие черноты, черного цвета, получили широкое и характерное применение в пределах расселения народностей иранского корня. Так, понятие белизны звучит в именном обозначении "Белоруссии", где в предикативной, представляющей тавтологию, части имени выражено понятие о недоступной через свои топи для иноплеменных вторжений стране, и потому неизоброченной, свободной, "белой". То же понятие видим в имени белых (по отзыву летописца) угров, не выделявшихся, насколько известно, белизною, в смысле цвета. То же понятие, есть основания догадываться, скрыто в широко распространенных именных обозначениях старинных ограждений старинных ограждений, каковы Белгородка вблизи Киева, Белая Церковь Киевской губернии, Белград – столица Сербии, – все эти именные обозначения не имеют никакого отношения к чему-либо "белому" в современном, прямом смысле этого слова. Таковы же именные обозначения Белого моря, многих Белых озер, Белых рек и т.д.

В дальнейшей эволюции предикативного термина "Рокс-Урс-Рус-Рос" – понятие о белизне в смысле независимости, свободы – естественным ходом исторического процесса расширилось до обозначения силы, господства в отвлеченном смысле, а в конкретном виде – до обозначения правящего сословия, знати. С таким же, явно древним происхождением звучит сказывающееся в народном выражении представление о "Русском Белом Царе".

Характерно, что в богатом архаизмами народном украинском языке слово "Обілити" в сфере юридических отношений означает – снять нарекания, оправдать, освободить от подозрения.

Длинный ряд иллюстраций широкой распространенности и противоположного понятия в разнообразных, но однородных смыслах о черном цвете, было бы возможно привести здесь (например, "очернить", "черный город", "черный шлях", "черный ліс", "Черное море", "Черная Русь" и т.д.); но это не имело бы непосредственного отношения к теме настоящего сообщения.

Итак, речение "Рокс-Урс-Рус-Рос" в имени Роксоланы не обозначает белизны племени Алан в прямом смысле этого слова, равно как не заключает в себе понятия и о существовании этого

имени, – речение это выражает понятие о качестве о господствующем положении Алан в ряду других племен, составляющих сложный этнический конгломерат.

Подобно этому и имя "Русь" выражает понятие о качестве, о господствующем положении не отдельного племени, а отдельных элементов нескольких племен в формирующемся социальном строе того времени. Для племенной основы имени "Русь" нет места в стране непрерывных передвижений, – разнообразных сочетаний племенных элементов, так как длившееся в течение ряда веков, трудно вообразимое смещение племенных элементов, проследить которое представляется возможным только в сравнительно позднюю пору, неизбежно вело к сглажению племенных черт в составе высших классов социально-политического целого, формировавшегося из сложного племенного конгломерата.

Уже в исторической науке доказано, что имя Скифов относилось к самым разнообразным племенным элементам, объединяемым общими условиями быта на великой равнине, как и имя наследовавших Скифам Сарматов и Алан, как и следовавшие за Аланами, Антами и Венетами имя Славян, выступивших со своим именем в скифо-сарматских пределах в иноземных известиях в конце V века. Если это так, то и в последующей смене народностей, тем более не может быть места для первенствующей роли обособленного, в большой мере нейтрализованного чрезвычайно разнообразными сочетаниями племенного признака.

Устойчивое имя народа возникает после более или менее продолжительной жизнедеятельности его составных частей, после длинного ряда самопроявления их. Возникновению имени исторического народа должны предшествовать какие-либо крупные события в жизни аморфных, разрозненных племенных элементов, – события, в которых приняли бы участие все элементы, соприкоснувшиеся с этим событием, и через это участие сблизившись, определили бы себя, как однородное целое.

Именно такие события совершались в исследуемых пределах восточно-европейской равнины в пору, предшествующую появлению Руси на исторической сцене. Таково, прежде всего, продолжавшееся около двух столетий пребывание воинственных Готов на Поднепровье и в Черноморских степях, соприкосновение с которыми не могло не оставить резких следов в памяти подчинившихся Готам предшественников восточных Славян по племенному признаку – Антов. Участием в готских походах сухопутных и морских, в которых, по характерным изысканиям источников, Готы пользовались чужими, вероятно, антскими кораблями, гребцами и мастерами, – таким участием не ограничились соседние отношения Антов с Готами, как не ограничились они и разнообразными позаимствованиями общественного быта и материальной культуры, следы какового влияния древних немецких элементов, скорее всего готских, можно и до сей поры встречать в пределах современной Украины.

Другим еще более грозным для восточных Славян событием было следовавшее в третьей четверти IV века нашествие Гуннов, пронесшихся разрушительным ураганом с востока на запад через всю восточно-европейскую равнину и покоривших на своем пути все племена до пределов средне-дунайской равнины включительно. Это всколыхнувшее почти всю Европу нашествие страшных и своими обликами и своим поведением Гуннов не могло не произвести глубокого потрясения среди всех племен, обитавших как в степной полосе восточно-европейской равнины, так и в подстепных ее областях. Это самое грозное из всех иноплеменных нашествий, до и после этой поры, не могло не вызвать передвижения туземных этнических элементов в отдельных случаях на очень далекие расстояния и вместе с тем, вполне естественно, пробудило стремление к объединению до этой поры раздельно существовавших племен.

Имя "Русь", олицетворяющее "белизну", господство, знаменует собою, таким образом, смену в историческом процессе на великой восточно-европейской равнине.

Смена в историческом процессе выражает собою замену одного принципа общественной группировки другим принципом. Державшийся века родовой быт разложился, разу-

меется, не вдруг, и Русь организовалась не сразу. Следы организационного процесса Руси рассеяны по великой равнине. Таковы племенные обозначения "Русское море" и "Сурожское" (т.е. смежное с Русским) море, приурочиваемые арабскими писателями IX и X веков к Черному и Азовскому морям. Фактом того же порядка является по многим признакам, существование над Азовским морем все еще остающейся загадочной Тмутароканской Руси, которая с незапамятных времен и до XII века, до поры упадка Киева, поддерживала связь с Днепровской Русью, в частности, с Черниговской областью. Следы древних русских элементов видим далее в Итиле, столице Хозарского царства, при устье Волги, где, по свидетельству арабских писателей, имела прочное пребывание Русь, обитавшая в особой части города и управлявшаяся своим самостоятельным судом.

Перед нами, таким образом, бесспорные факты независимого, свободного существования и широкого движения древне-русских элементов на обширных пространствах суши и моря в ту пору, когда Киевская Русь лишь начинала организовываться.

Выдающимся фактом бытия и широкой деятельности древних русских элементов являются морские походы Руси в византийские пределы. Первые неизвестные морские походы Руси, очевидно, задолго предшествовали шумным походам и мирным договорам с греками киевских князей Олега, Игоря и Святослава. Русское имя связало себя с Черным морем, очевидно, после продолжительного обладания Русью этим морем, что не может быть отнесено к Руси Киевского периода уже по одному тому, что Киевская Русь, постепенно расширявшая со времени Олега свои рубежи, устраивалась вдали от этого моря. К такому заключению приводит и то соображение, что связь Днепровской Руси с Черным, или Русским, морем в X веке была уже слабой. Летописные заметки сохранили воспоминание об Аскольде и Дире, а традиция русского имени для Черного моря составителю летописного свода совсем неведома. Что места обитания древнейшей Руси не совпадают с киевскими пределами, подтверждают указания ряда источников, внимательно обследованных исторической критикой в отношении их достоверности.

Так, местонахождения древнейшей Руси источники отмечают в непосредственной близости к "Русскому" морю, этим своим названием указывающему на обладание им древнейшей Русью.

Русь Тмутараканская, поддерживавшая связь почти до конца XII века с Днепровской Русью, несмотря ни на значительное разделявшее эти две Руси расстояние ни на затруднявшие их сношения полчища кочевников, – правдоподобно, эта Русь и относилась к древнейшей Черноморско-Азовской Руси (Тания, или Артания арабских писателей).

До-киевскую, древнейшую Русь знают и греческие источники: житие святого Георгия Амастридского и житие святого Стефана Сурожского заключают в себе определенные указания на Русь, действовавшую на черноморско-азовском побережье в первой половине IX века. На существование древней Руси в пределах Таврии или в близком соседстве с нею есть указания в Паннонском житии святых Кирилла и Мефодия, свидетельствующем, что в Херсонесе Таврическом святые братья нашли Евангелие и Псалтырь, написанные "русскими письменами". О сущности этих писем – вопрос особый: в настоящем случае важно, что составитель жития связал их с русским именем. В ряду фактов, указывающих на древнейшую Русь, источники отмечают неудачный поход Руси на Царьград в 860 году и другой поход Руси в IX же веке на южный берег Каспийского моря (Табори́стан). Не о Киевской, а о какой-то древнейшей Руси повествуется и в Бертинских анналах, где речь идет о посольстве в Царьград русского "Хакана" в 839 году.

Отмеченные факты неопровержимо указывают на существование организованной древнейшей Руси вне киевских пределов, в соседстве с Русским и Сурожским морями. При настоящем уровне исторических знаний не представляется, однако, возможным ни обозна-

чить определенно местности обитания этой древнейшей Руси, ни определить точно пору ее возникновения.

Уловить связь древнейшей Руси с территорией крайне затруднительно уже потому, что эта Русь, по согласному свидетельству греческих и арабских источников, находилась в постоянном движении. Русь, по названным источникам, – это воины или купцы-воины, которые не имели ни земель, ни городов, ни полей, "они жили только тем, что брали у Славян: наезжая, они забирали невольников и везли их продавать в Хазеран (Итиль) и Болгар на Волге; наряду с этим они торговали соболями, белками и иными мехами". По роду своей деятельности воины и купцы-воины часто удалялись за пределы своей земли, где очень часто и встречали их составители дошедших до нас исторических источников. Такова отмеченная выше Русь, пребывавшая в Итиле хозарском, одном из крупнейших торговых центров восточной Европы в VIII-IX веках; таков знатный росс, погребение которого в Болгаре на реке Волге, другом крупном торговом центре той поры, классически описал арабский писатель-путешественник Ибн-Фодлан. Все эти руссы-гости в чужих краях, как и та Русь, которую видел в Багдаде другой арабский писатель-путешественник Массуди (середина X века). Особого внимания заслуживает свидетельство уже упомянутого арабского писателя-путешественника начала X века Ибн-Фожлана, видевшего в Итиле и Болгаре русских купцов, приезжавших на лодках с невольниками и мехами. Эти Руссы, "причалив к берегу, строили бараки, где таких барачников собиралось 10-20".

Арабский источник середины IX века о руссах свидетельствует, что "у руссов один промысел – торговать соболями, белками и иными мехами", что живут они тем, что возмут у Славян: наезжают, забирают невольников и везут их продавать в Хазеран и Болгар". В каких больших размерах велась эта торговля руссами дает понять рассказ арабского писателя-путешественника Фадлана о том, что жены руссов носят на шее золотые и серебряные цепи, иногда по несколько таких цепей". Ясно, что арабы IX-X веков видели в руссах не племя, не народ, а богатый и влиятельный общественный класс купцов и купцов-воинов в стане Славян.

Вышеизложенное приводит к заключению, что древние Руссы и древнейшая Русь появляются в истории не отдельным народом, не особым племенем, а наиболее деятельным, и в силу этого самым влиятельным общественным элементом в обширной стране восточных Славян, – элементом, осуществлявшим свое назначение в историческом процессе до-Киевской поры наиболее заметно в азовско-черноморских пределах, где в свое время обитали и белые Аланы.

В виду того обстоятельства, что имя "Русь", по всей видимости, вышло из Аланских недр, а также и в виду того общепризнанного крупного значения, какое имели иранские элементы в древне-русской культуре, продолжающие существовать и до наших дней (в области народного искусства), представляется необходимым привести здесь самые характерные черты быта Алан по римским и другим источникам в передаче, черпаемой из монографии профессора М.Грушевского "Киевская Русь".

Аланы, по свидетельству Марцелла Аммиана (IV века), занимали безграничные степные пространства ("Скифские пустыни") за Доном. Постепенно ослабив соседние народы частыми победами, они передали им свое имя. Аланы – кочевники, не знающие ни домов, ни земледелия, питающиеся мясом и молоком; жили они на телегах, располагаясь кочевьями в местах, пригодных для выпаса стад скота и конских табунов и устраивая лагеря из устанавливаемых в круг телег. Они были некрасивы на вид, светловолосы, имели легкое вооружение, были очень воинственны, свободолюбивы. У них все в равной степени благородно, и в судьи они выбирали наиболее прославившихся воинов. У Алан не было большей славы, как убить врага; кожу убитых на войне употребляли они на украшения своих коней. Храмов

не имели, но втыкали в землю голый меч и почитали его, как Марса, покровителя страны; гадали они при помощи палочек.

Луккиан, римский писатель II века, сообщает, что Аланы имели одинаковый со Скифами язык, одинаково одевались, только иначе стригли волосы.

Имя Алан знают и Китайские летописи. По этому источнику Аланы – кочевой народ Antsai, живший по обеим сторонам Каспийского моря, причем в западном направлении земли их распространялись до границ Римской империи. В период династии Гань (от 163 года до Рождества Христова и до 196 года по Рождестве Христовом) они зависели от кочевников Согдиана, а впоследствии освободились от этой зависимости.

Из этой Аланской этнической среды выделилось с течением времени племя "Роксоланов" или что то же "Белых Аланов", которые, по римским известиям, составляли главную и самую многочисленную народность в Приднепровских степях и далее на запад. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в первой половине II века имя Роксоланов римскими известиями приурочивается к Поднепровью, а во второй половине того же века уже к Подунавью.

Констатируется, таким образом, два характерных по своей устойчивости явления в жизни Черноморско-Азовской степи, а именно: 1) продолжение движения иранских орд по направлению к западным странам, привлекательных своими богатствами и более культурным бытом; и 2) распространение имени главного племени на все другие подвластные ему разнообразные племена.

Территория распространения имени «Русь».

Процесс формирования Руси остается приурочить насколько это возможно при настоящем уровне исторической географии, к территории страны.

Имя "Румь" в иноземных источниках впервые встречаем в Черноморских пределах второй четверти IX века. Это – Русь Черноморско-Азовского побережья, с которой связано имя Бравлина, русского вождя, пленившего перед 842 годом страну от Корсуна (Херсонеса Таврического) до Керчи. Возникла эта Русь, разумеется, значительно раньше второй четверти IX века, так как в эту пору, по сказанию жития Георгия Амастридского, ее уже "все хорошо знали". Одним из звеньев, повидимому, заключительным, этой древнейшей Руси, явилась Тмутараканская Русь, какими-то не ясными связями вязавшаяся с областью "Сивера" и в частности с Черниговской областью, старейшим после Киева княжеством первоначального киевского периода Русской истории.

Другой предел территориального обладания до-Киевской Руси – крайние юго-западные области современной России и несколько дальше в восточном направлении, – это страна "Валинана", по традиции в сказаниях арабских писателей-путешественников, сближаемая по имени с Галицко-Волынской областью последующей поры. Это один из пределов той местности, в которой, по заключениям профессора Ключевского, имели продолжительную остановку восточно-славянские племена, двинувшиеся после натиска римлян (Волохов Начальной летописи) из Дунайских пределов в области Поднепровья. В той стране, по свидетельству арабского писателя первой половины X века Массуди (в его географическом трактате "Золотые луга") приблизительно в ту же пору у западных Славян сформировалось несколько государств (VII-VIII века), у Славян восточных также возникла политическая организация, предания о которой дошли до названного писателя-путешественника. Массуди обстоятельно отметил славянского племени, точнее племен "Валинана", обитавших восточнее пределов расселения западных Славян, существование особой политической организации, отдельного царства, с особым царем, которому повиновались все прочие цари этой страны (цари-филархи-князья) – применение того или другого термина не имеет значения. На страну "Валинана", при разысканиях древнейшей Руси, направляется внимание

еще и потому, что в позднейшем Галицко-Волынском княжестве на этой же территории в киевский период Русской истории существовал особенно многочисленный высший класс общества, класс бояр, игравших там значительную политическую роль. Многочисленность этого класса может приниматься как следствие более ранней политической организации, в виде племенных союзов, с особыми племенными правителями, которых араб Массуди назвал царями. Направляет сюда разыскание первоначальной Руси и то обстоятельство, что на этой Галицко-Волынской территории получило самое широкое распространение именно обозначение "Русин", ставшее собственным именем для всего туземного населения в Галиции.

Наконец, последующая участь племени и земли "Валинана" как бы подсказывает последовавшее переформирование ее в Русь. Дело в том, что политический союз "Валинана", сложившийся, вероятно, по типу прежних, недолговечных держав скифо-сарматского периода, оказался непрочным. В "Валинана", по Массуди, пошли междоплеменные раздоры; союз племен разрушился; они разбились на отдельные колена, и каждое племя выбрало себе отдельного царя (князя). Описанный арабским писателем момент представляет именно то положение вещей, с какого наша Начальная летопись, составляемая из своих первоисточников в XII веке, ведет более или менее ясное повествование, начиная с событий X века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.